Выходитъ що пятницы во Львовѣ. Цѣна на рокъ съ почтою 4 зр. 40 кр. ср. полр. 2 злр. 20 кр. чвртр. 1 злр. 10 кр. на мѣстци 4 злр.

ЗОРЯ ГАЛИЦКА

Предплата отбираетъся въ бюрѣ дирекціи книгопечатной Института Ставропигіянского.

ПИСЬМО ПОСВЯЩЕННОЕ ЛИТЕРАТУРѢ И ЗАБАВѢ.

ЧИСЛО 38 Львовъ, 14 Вересня 1856. РОКЪ XI.

ТУГА ЗА МИЛОЮ.

Сумный хожу зажуренный
Не знати отъ чого,
Иль я люблю — иль не люблю —
Иль что мнѣ такого?

Стрѣтила мя на подлѣсю
Хороша Гануся,
Да отъ тогда хоть не хочу
Все за ней дивлюся.

Ой вижу я двѣ галузы
Сплелися вербою;
Такой бы мнѣ Ганусенько
Жити лишь съ тобою.

Летитъ соколъ подъ облаки
Искаетъ си пары,
Ой вы люди — добры люди
Нарадьте ми чары!

Да нарадьте таки чары
Якихъ есть лишь сила,
Дабы мене Ганусенька
Щиро полюбила.

Ой вѣй вѣтре легкій вѣтре,
Туда куда доси,
Подуй на ей бѣлы личка
Да на черны косы.

Когда она выдивится
И жати покинетъ,
Запытайся легкій вѣтре,
Иль пойдетъ за мене?!

Е. Згарскій.

Третяя выпись съ записокъ второго путешествія съ Рима въ Іерусалимъ совершенного священникомъ гр. каѳ. церкви Ипполитомъ Терлецкимъ —

ОДИНЪ ДЕНЬ ВЪ ІЕРУСАЛИМѢ.

(конецъ)

Отдохнувши два часа пошли мы оглянути и послышати плачъ жидовъ. Ежеседмично въ пятницу приходятъ на улицу подлѣ стѣны окружающей мѣстце, гдѣ прежде стояла церковь Соломона, а теперь есть мечетъ Омара. Ико лишь до сего мѣстца можно иновѣрцамъ приходити, на великую же площадь передъ мечетомъ и въ середину самого мечета допускается входъ самимъ лишь Мусулманамъ, всѣмъ инымъ сіе запрещено подъ казнію смертною. Посему жиды, которыхъ здѣсь множество есть и съ нашихъ сторонъ, приходятъ въ пятницу подъ сію стѣну, и жалостнымъ голосомъ заводятъ свои молитвы, и горячими сердечными слезамы да великимъ стогнаньемъ оплакуютъ разрушеніе церкви Божіей и святого города, и свое разсѣяніе по широкомъ свѣтѣ. Жены и мужчины заодно прибѣгаютъ тамъ, и ревутъ да стогнаютъ. Въ истину жаль сердце сжимаетъ поглянувши тутъ на сіи развитки великого и нѣкогда Богомъ из-

бранного народа, разсѣяны нынѣ по вселенной, — пришельцы на своей давной землѣ, сплекающіися со всего міра, поминати минувшую славу батьков своихъ, да заводити надъ недолею отечества. И мнѣ слезы въ очахъ закрутилисъ; — ибо также моя доля сходная съ ихъ судьбою, изгнанецъ якъ они есмь безъ пристанища на великомъ мірѣ, всѣмъ чужій и всюда въ чужинѣ, вѣдь прійдется въ чужинѣ и главу свою положити!

Долго немогъ я на сіе трогательное зрѣлище смотрѣти; потому пошли мы далѣе между огородами къ южной сторонѣ града, чтобъ обозрѣти мѣстце, гдѣ былъ мостъ, который нѣкогда велъ съ церкви на гору Сіонскую. Слѣды лишь по немъ осталисъ, которыи великими своими каменями стѣну нынѣшнаго мечета Омара составляютъ.

Завернувшись до середины города огляндули мы такъ нареченную больницу св. Елены. Якъ большая часть старинныхъ созданій, такъ и сіе въ великой части опустѣлое и разрушенное. Недужныхъ здѣсь не принимаютъ, но есть просторанное, и жалько лишь, что заведеніе сіе якъ всякое иное неопратное есть. Всѣмъ нищимъ безъ различія вѣры и народа здѣсь приходящимъ, роздаютъ два раза на день хлѣбъ и вареницу, которое все вкусное и доброе есть. Засобъ на сіе даетъ Султанъ и честны богаты Мусулмане.

Отсюда оудалися мы до монастыря Коптовъ, прилежащаго церкви Божія гроба съ восточной ея стороны; на подворѣ выстаетъ съ земли баня подземной церкви св. Елены. Сіи Копты суть очень оубогіи, имѣютъ своего владыку и есть между ними много совсѣмъ черныхъ. Съ монастыря входится до церкви вышней, подъ которою есть другая, отпирающася на площадь передъ церковью Божія гроба. Обѣ сіи церкви суть оубого оустроены послѣ обряда Коптовъ. Въ маленькомъ запущенномъ садку показуютъ дерево, гдѣ по преданію патріархъ Авраамъ готовился заколоти сына своего Исаака на жертву Богу, тѣмъ дознающему его вѣру; но когда поднесъ оуже руку съ ножемъ, се ангелъ Господень задержалъ его и показалъ агнца въ корчѣ, которого оувязавъ пожертвовалъ Богу. Сбылося сіе якоже пророчество и образъ агнца Божія Сына Божія, издавшагося за насъ въ жертву на симже мѣстцѣ по волѣ Отца своего небесного, который великихъ грѣховъ міра ради ниже Сына возлюбленного не пощадѣлъ, принесшагося въ воздаяніе за нихъ.

На противъ монастыря Коптовъ есть входъ до цистерны св. Елены, которая всѣмъ монахамъ, запертымъ при церкви Божія гроба и инымъ воду доставляетъ. Недостатку воды нужно здѣсь запобѣгати цистернами, ибо тутъ сами лишь каменныя горы, рѣкъ нѣтъ, источники очень рѣдкіи, а въ Іерусалимѣ въ самомъ городѣ нѣтъ ни одного источника. Давнѣйше препятствовали тому недостатку цари жидовскіи водотечами, которыми съ далека спрокажали воду, якъ сіе теперь по великихъ городахъ Европы оувидѣти можно. По многимъ мѣстцамъ находятся еще ихъ слѣды, но небреженіе мусулманское запропастило все.

Потому чтобъ сохранитись недостатка воды, въ каждомъ домѣ есть цистерна, по нашему сказати колодезь, сирѣчь выкованна въ скалѣ великая печера, до которой зимою во время дождей стекаетъ вода съ терассовъ домовъ и тамъ сохранается, послѣ же весь рокъ пьютъ ею и

имѣютъ на всю потребу. Обычай сей все-общій и ветхій, восточнымъ и южнымъ державамъ, да и стариннымъ Жидамъ свѣдомый. Но изо всѣхъ такихъ колодезей въ Іерусалимѣ найбольшая есть сія св. Елены. Ведетъ до ней нѣсколько десять широкихъ степеней, въ скалѣ выкованныхъ, которыми не можно слѣзти на самъ низъ, ибо всегда есть тутъ много воды. Нигдѣ нѣтъ отвора, которымъ бы доходило тамъ свѣтло. Сама печера превеликая и очень глубока; когда погланешь на воду, то кажется тебѣ видѣти якоесь подземное великое озеро, а если стукнешь, то ехо отдаетъ каждое твое слово, и чувство якого то страшного величества прошибаетъ внутрь твою. Колодезь сей сдѣлати велѣла для церкви Божія гроба Царица Елена, потому зовется она цистерною св. Елены. Пока мы осмотрѣли все тое, о чѣмъ здѣсь беседовалось, стало оуже вечерѣти, и потому должно было по дневнымъ трудамъ оуспокоитися. —

ОТКУДА ВЗЯЛОСЬ ИМЯ „БЕССАРАБІЯ"?

Извѣстно, что „Бессарабъ" или „Бессараба, съ конца XIV вѣка, было фамильнымъ именемъ для цѣлой династіи воеводъ Валахскихъ, которыи владычествовали и надъ Бессарабіей. Но имя сіе область-ли отъ нихъ получила, или они отъ области? Кажется ни то, ни другое. Родоначальникомъ воеводской династіи „Бессарабовъ" въ Валахіи считается Баркулъ Бессараба, который оуже въ слѣдствіе притѣсненія Турковъ, около половины XV столѣтія, вышелъ изъ нынѣшней Бессарабіи, сначала въ Сербію, а потомъ въ Валахію къ воеводѣ Владу II. Лаіотаву, отъ которого получилъ титулъ бана Краіовского. Но якъ и прежде еще, воеводы Валахіи, начиная съ самого Радула-Черного основателя Валахского княжества, называлися „Бессарабами," то кажется, то имя не было фамильнымъ, а просто титульнымъ вождей народа, обитавшаго въ Валахіи и Бессарабіи. Оріенталисты находятъ, что оно може быти составлено изъ слова „рабъ" или „ребъ", означающаго въ нынѣшнемъ турецкомъ языцѣ именно „вожда" или „повелителя;„ въ такомъ случаѣ Бессарабъ" значилобы слово-въ-слово „повелитель или вождь Бессовъ" — народа жившаго въ первыхъ вѣкахъ Христіанской еры. Еще Геродотъ зналъ Бессовъ, которыи въ его время обитали въ горахъ Гемуса, нынѣшнаго Балкана. Вѣроятно, было то одно и то же колѣно, единоплеменное съ Гетами, Даками, и потомъ Антами, въ сосѣдствѣ которыхъ оно встрѣчается, и съ которыми вмѣстѣ движется то туда, то сюда, между Балканомъ и Карпатами. Но я сомнѣваюсь, чтобы сіи Бессы были Турецкіи „Біазы;" мудрено, чтобы орда Турковъ такъ рано могла пробратися въ Балканъ и Карпаты. Сомнѣваюсь, чтобъ и имя „Бессарабъ" было составлено Турками: слово „рабъ" есть собственно арабское, а не турецкое, тоже что Еврейское „равви." Скорѣе предположити, что оно значитъ „Бессъ-Сорабъ," или „Бессъ-Сербъ!" Въ самомъ дѣлѣ, Бессы, равно якъ Геты, Даки и Анты, должны принадлежати къ первобытному Славянскому народонаселенію Дунайского бассейна, которого обширнѣйшую вѣтвь составляютъ Сербы, давно существующіи подъ нынѣшнимъ своимъ именемъ. Вихри народовъ, набѣгавшіи сюда, то съ запада, то съ

востока, перекидывали ихъ съ мѣста на мѣсто. Римская колонизація заставила Бессовъ гнѣздитись въ ущельяхъ горъ по обѣимъ сторонамъ Дуная. Въ VII вѣку, при совершенномъ распаденіи міровластительного колосса, за Дунайскіи Бессы съ Балкана, изъ сосѣдства нынѣшней Сербіи, двинулись на сью сторону Дуная, и основались при Алутѣ или Олтѣ въ нынѣшней Малой-Валахіи: мудрено-ли, что ихъ вождь, яко представитель всего племени, тогда-жь еще прозвался „Бессарабомъ," то есть главою „Сербскихъ или Славянскихъ Бессовъ," чистыхъ Славянъ, въ отличіи отъ Славянъ объиталіянившихся Римскою колонизаціею, который по той самой причинѣ прозваны „Волохами" или „Влохами," именемъ до сихъ поръ означающимъ по славянски племя Галло-Романское? Между тѣмъ натискъ азіятскихъ ордъ съ востока поглотилъ, но не уничтожилъ Бессовъ, оставшихся по сію сторону Дуная, гдѣ они въ нижней части нынѣшней Бессарабіи, въ VIII вѣку, извѣстны были подъ именемъ Біессовъ и Біессеновъ, смѣшавшихся потомъ съ Печенѣгами и Половцами или Команами. Впрочемъ можетъ быти и имя Печенѣговъ. по Византійски Пацинаковъ, перконачально принадлежало имъ-же устьдунайскимъ Бессамъ, и было только искаженіемъ древнаго имени Певциновъ и Певкиновъ, жителей усть-дунайского острова Певки. (К. с.)

УТРО И ДЕНЬ.

Повѣсть изъ новѣйшихъ временъ.

(продолженіе).

Блуждащимъ взоромъ, вперила Анна свое цѣлое вниманіе на пришельца и испускаючи храпливый стонъ, не могла ніякъ въ движеніе ввести свои члены, — ибо ахъ! передъ нею стоитъ учтивый Борисъ, — ей стрый, посѣщающій ею по первый разъ въ ей супружескомъ сожитіи!..

И снова возбудилось въ ней якоесь лучшее чувство, напряжила всѣ свои силы, и старалась сдерти съ шеи тотъ злобный нашейникъ, сдерти изъ пламенѣющей головы тотъ уборъ и прикрыти хусткою неприродныи плетенія колосокъ, но надармо! Нашейникъ лежитъ будьто врытый на ей шеи, а рука упала ей въ совершенной недвижимости на ей лоно. — Еще имѣла только силы, що встала, и до Бориса возболтати въ состояніи была: „Постойте мой человѣче! я имѣю гдѣ що съ вами поговорити! А ты Амаліо отъиди на короткое время до прилежащей комнаты, — прошу тя усердно, сдѣлай тое для мене, ибо я хочу тайное слово съ тѣмъ пришельцемъ побесѣдити!"

Хотя мимо воли, однакожъ послушаючи прошенію своей подружки отошла медленнымъ крокомъ Амалія, вормотающи себѣ щось подъ носомъ и кидаючи непріязненный взоръ на сокрушителя ей нѣжненькихъ пальцевъ.

Анна же встала съ насиліемъ изъ своего удобного сѣдалища, и похождаючи скитающеюся стопою по свѣтлицѣ не могла ніякимъ дѣломъ собрати свои развлеченныи мысли. Уже отворила была уста, уже простерла была руки, хотячи въ обятіе своего стрыя впасти, и его сердечнымъ словомъ повитати, но тутъ задержался ей взоръ на пышномъ нашейнику, на господской ризѣ, и свернулся оттуда на шерсткую сукману и на хлопскіи чоботы Бориса. И снова отступили отъ ней всѣ лучши чувствія, ей иногда

чистая душа возмутилась въ глубочайшихъ основаніяхъ, а якаясь то гордая задумчивость обладѣла нею. И сѣвши, или лучше сказати впавши на канапу, опустила она невольно тажку голову, и повалилась переднимъ движеніемъ тѣла на поручіе сѣдалища. —

Была то дикна . . . отчаянная сцена! Старый Борисъ, носячи въ себѣ всѣ неповрежденныи — небесныи чувствія, представляючи въ своей личности идеалъ совершенного мужеского характера, стоялъ передъ мнимою незнакомою госпожею въ удивительномъ изумленіи, и не вѣдалъ, якимъ дѣломъ имѣетъ себѣ тое проиcшествіе вытолковати. Въ его душѣ даже не возникла ни найдальшая думка, що въ оной госпожѣ скрывается его прежная любезная Гануся такъ невинна, такъ чистосердечная, що можно было ею ангеломъ земнымъ назвати. — Но Анна была погруженною въ отчаянныхъ чувствіяхъ. Всѣ ей минувшіи небесно-мирныи дни изглаженны были въ ей памяти, и только якій то шумъ, изнѣженная прелесть и совершенный лабиринтъ заняли мѣсто ей душевныхъ, нравственныхъ стремленій.

Ахъ! се суть слѣдствія злобного воспитанія и кредливого товарищества съ пустыми обожателями житейскихъ наслажденій. Горе! горе! тысячъ разы горе тѣмъ обманщикамъ свѣта, которыи міръ божій перемѣняютъ въ адову пропасть! Съ ихъ сердецъ не только исчезла вѣра, но и всяка надежда лучшаго направленія житейскаго. Про тое они не могутъ имѣти супокой въ семъ житіи. Во дни піютъ они струями свою погибель, но во снѣ улетаютъ надъ ними несчастныи ихъ жертвы, и проливаютъ кровавыи слезы на голову своихъ губителей! . .

И истинно не позналъ Борисъ въ госпожѣ Россъ свою прежню Ганусю! Но можетъ-ли сіе иначе быти? . . . Изъ лона матери-природы вырываются дѣти-выродки убѣгаютъ изъ ей близости, и возвращаются по нѣякомъ времени къ ней тіижъ сами дѣти цѣлкомъ перемѣненныи — не природны уже, но искусны, не для того, щобы съ радостію свою любеньку матерь уцѣловати, но щобы ей объятій чуждаючися, съ гордынею на ню погладати!. . .

А на дворѣ бѣснуется метелица, будьто испущенна на божій приказъ изъ преисподныхъ глубинъ, щобы съ Ангеломъ-Хранителемъ утрату одной человѣческой невинной души восплакати! И страшенно заревѣло щось въ близости свѣтлицы, и зашелестѣло будьто крыла Ангела-Хранителя убѣгающаго отъ лица такъ страшенного зрѣлища. И наразъ озвались звоны сосѣдной церкви, роздались печальныи лики знаменающіи сумный чинъ якого тамъ похорона, и якаясь таинственная невидимая сила простерлась въ природѣ. . . . Въ томъ поднесла Анна тажкую голову и невольно заболтала, „А вы еще тутъ стрыю?!"

— „Що стрыю?? Мой Боже! що то за голосъ! ахъ! еслибы не видѣлъ передъ собою незнакому госпожу, то думалбы я, що моя Гануся тое говорила! И щожъ вы желаете отъ мене, достойная госпоже!" промолвилъ въ возмущенныхъ чувствіяхъ Борисъ. „Що я желаю! ахъ! якажъ то лихая судьба! Говори милымъ голосомъ до сродниковъ, а они не познаютъ тебе! И якже? можетъ быти вы потеряли изъ старости вашъ здоровый разсудокъ и зрѣніе вашихъ очей, що вы не познаете свою Ганусю! . . . . . говорила равнодушно Анна.

— „Що Ганꙋсю! ꙗ вы не позналъ мою Ганꙋсю? о! и подъ землею позналъ бы ꙗ мою сердечнꙋ голꙋбкꙋ!

„Гм! отже видите! що не хочете познати свою Ганꙋсю! Вотъ передъ вами онажъ самаѧ, а не ина!"

— „О! Господи! що за дивныи твои сꙋды! И можетъ ли быти! Но щожъ! тое не можетъ быти иначе! Той самъ голосъ, ꙗкъ и моѧ Ганꙋсѧ имѣла, лице мало що не совершенно подобное междꙋ Вами а моею Ганꙋсею! Но Ваше лице есть больше нѣжненькое и блѣдное, ваше волосье совершенно дивное, возрастъ вашъ есть большій нежели моей сиротки. Такожъ была моѧ Ганꙋсѧ оубогою! ахъ! на мое несчастье оубогою, потомꙋ не была бы она въ состоѧніи ролю Госпожи играти. Ахъ! ꙗ знаю мою Ганꙋсю! она была смиренною, невинною и красною ꙗкъ той Ангелъ. . . . О! ꙗ бы ею отъ раза позналъ! Но тꙋтъ не вижꙋ ꙗ ніꙗкой Ганꙋси! . . . Лишь що за голосъ солоденькій! що за подобіе вашего и ей лица! можетъ быти вы лично знаете мою Ганꙋсю, ахъ! то не мꙋчите мене долше, но скажите про милость Бога, гдѣ она есть!" болталъ старикъ возмꙋщенный и хотѣлъ отъити, цѣлꙋючи съ насиліемъ рꙋкꙋ Анны!! . . .

„Ай! пꙋстите! ꙗкже вы невѣрныи есьте; Еще разъ вамъ кажꙋ, що ꙗ истинно Анна, ваша братаница!" сказала Анна съ возмꙋщенными оуже чꙋвствіꙗми.

— „Анна! Анна! Великій Боже! ꙗкже славное твое имѧ и чꙋдны твои дѣла! Анно! Ганꙋсю! иль возможно тое, що тꙋтъ слышꙋ. То теперь вижꙋ, що иначе быти не можетъ, ибо се вижꙋ на стѣнѣ образъ пресвѧтой родины, драгоцѣнное сокровище покойного моего брата! Анно! Ганꙋсю! ахъ ꙗкже ꙗ счастливый, — по сто разы счастливый, понеже и ты видишьсѧ быти дꙋже счастливою въ сꙋпрꙋжеском сожитіи! Ахъ! приближисѧ же къ моимъ объѧтіѧмъ, да тѧ оуцѣлꙋю по долгомъ отсꙋтствіи! Ганꙋсю! моѧ любенька голꙋбко!" восклицалъ восхищенный Борисъ.

„Стрыю! оутихомиритесѧ! Вы восторгнꙋлисѧ безъ потребы до крайности. Но пꙋстите мене! ахъ пꙋстите мене изъ вашихъ шерсткихъ объѧтій, мнѣ такъ дꙋшно, що сама не памѧтаю о себѣ!" говорила съ отрывками возмꙋщеннаѧ Анна, стыдающасѧ оуже прежде такъ любимого стрыѧ.

— „Но! но! моѧ Ганꙋсю! чемꙋ ты такъ трѧсешьсѧ? видно, що мое пришествіе нечаѧнное приглꙋшило твою радость; но тое возмꙋщеніе пройдетъ!"

„И чегожъ вы пришли теперь до мене?"

— „Чего! о мой Боже! тебе посѣтити въ сꙋпрꙋжескомъ твоемъ сожитіи, и оуцѣловати мою сердечнꙋ Ганꙋсю! Но чегожъ ты такъ блѣднѣешь и снова рꙋмѧнишьсѧ розжаренным огнемъ. Оуспокойсѧ моѧ дочь! сѣдай лишь себѣ на твое прежнее мѣсто, а ꙗ бꙋдꙋ счастливъ при твоемъ порозѣ стоѧти, и изъ дали на тѧ глѧдѣти! И ꙗкже хорошій, чꙋдесный, господскій, при томъ и дивный твой оуборъ! Що за прекрасный нашейникъ! ꙗкіи драгоцѣныи ризы! Ты должна весьма счастливою быти съ твоимъ мꙋжемъ, ꙗкъ царица — моѧ Ганꙋсѧ?"

„Весьма счастливою!"

— „Но що за дивный оуборъ твоей головы? ꙗкіи дивныи плетеніѧ твоихъ иногда рꙋсыхъ волосовъ? Ганꙋсю! що се такого есть?" болталъ розговорившійсѧ старикъ.

„Ай вы дуже любопытны! я иду днесь на масковый баль, но щожъ? для васъ селяновъ есть тое непонятное!"

— „Ганусю чему ты такъ непріязненна днесь моему пришествію. Иногда ты не хотѣла отлучитись отъ мене, а днесь?.. Но я еще думаю, що ты возмутилась съ того, що я нечаянно надошелъ, когда ты наряжалася на вашъ балъ. Дивно! дивно! якіи тѣ городскіи бали? на щожъ такъ себе страшенно преобразовати, на що изъ природного образа божія дѣлати образъ странного божища! Ганусю! пусти тіи городскіи шаленныи думки! ты была сто разы краснѣйшею, коли ты оукрашалася селькими цвѣтами, нежели теперь въ томъ светномъ золотѣ и въ тѣхъ дорогихъ ризахъ! И по що такъ до непознанія себе переобразити? Вотъ перешелъ я половину свѣта, а однако не видѣлъ я, щобы кто оустроялъ свою голову такъ дивнымъ способомъ? Ганусю, скинь изъ себе тіи очаровательныи завѣсы мірского наслажденія, и явися въ твоей природной ангельской красотѣ!"

„Вотъ! що за проповѣдь новая! Не знаете-ли вы, що я не подлежу оуже вамъ, не знаете-ли, що я имѣю моего мужа за совѣтника въ моихъ дѣланіяхъ, а мою подружку въ моихъ розвеселеніяхъ?"

— „Ганусю! Ганусю! по що сказала ты мнѣ тое! Ахъ ты не знаешь, що тіи твои слова прошили мою душу до крайности! О! мой Боже! Моя Гануся оуже мене не любитъ! она чуждается мене, . . блескъ свѣтныхъ оукорокъ повредилъ ангельскую чистоту ей души!". .

И тое сказавши, откернулъ Борисъ свою голову отъ Анны и застогналъ горько! Ахъ! такъ строгого оудара судьбы не надѣялся онъ! Скорьше вѣрилъ бы онъ, що мертвыи изъ гроба днесь востануть, нежели о томъ, що пересвѣдчится колись о измѣнѣ неповрежденной правами Гануси. Горе злому воспитанію! горе лжеводителямъ и ложнымъ пророкамъ сего вѣка!!!

„И щожъ тамъ есть нового въ вашихъ сторонахъ!" прорвала Анна печальное молчаніе своего стрыя.

— „Вотъ съ Богомъ все добро ведется". .

„Що дѣлаетъ Елена, дочь лѣсничаго? безъ сомнѣнія ожидаетъ еще надармо будущаго мужа, снова якого лѣсничаго!"

— „О нѣтъ! Господь изъ Сіона поблагословилъ ей благородну душу, . теперь есть она женою Іоанна священника."

„Іоанна? що вы кажете! которого?"

— „Того самого, который съ тобою на праздники св. Іоанна въ дому приходскомъ коломыйку плясалъ. Такъ то дѣется! Кто къ горѣ недостижимой стремитъ, а мирного среднаго пути гнушаеться, тотъ поселится невольно въ болотистой низинѣ. Такъ и Іоанъ! Думаючи себѣ супругу изъ могущественного и достойного дома избрати, скиталася онъ три лѣтъ въ праздности, пока не обручился при общемъ оудивленіи съ Еленою" (П. с.)

ЛЬВОВЪ 13 (25) Серпня. Возносимый идеальнымъ міромъ присвѣвающаго Русинамъ благоденствія, съ радушіемъ хваталъ я за перо хотя не искусно зачиненное, когда лишь мнѣ способность случалась, подати почт. читателямъ краткія извѣстія о знаменитыхъ подвигахъ публичныхъ нашихъ заведеній на поприщѣ народного образованія, яко то о дѣяніяхъ Дома народного и Ставропигійского Института. Тожъ и теперь думаю въ обмеженныхъ столбцахъ сей

часописи немножко спомянути о славномъ въ своемъ родѣ монастырѣ Прп. инокинь чина св. Василія Великого въ Яворовѣ. Дѣло самое въ немъ происходившее есть уже, якъ то говорятъ „post festum,"однакожъ оно убѣдительно насъ увѣритъ, якую честь и ползу помянутый монастырь имени русскому приноситъ. — Дня 16 (28) Липня отбылся испытъ въ Яворовской дѣвичей школѣ, которая подъ управленіемъ Преп. Василіанокъ стоитъ. Тому испыту присутствовали яко свидѣтели обильной жатвы духовной до сорока особъ мужеского и женского пола, именно былъ ВП. О. Трулицкій Вице-Деканъ Судововишнянскій и прокураторъ того монастыря, ВП. О. Лозинскій Деканъ Яворовскій и надзиратель той школы, П. О. Алексіевичъ исповѣдникъ и П. О. Чичоловичъ катихита при томъ воспиталищѣ. Кромѣ сего прибыли съ Львова высокодостойныи члены Института Ставропигійского ВБГ. Товарницкій Старѣйшина и Протекторъ Яворовского монастыря, и Б. Г. Савчинскій Секретарь того Института. Тѣмъ то гостямъ при самомъ входѣ до екзаменовой клясcы заспѣвали 64 ученицы нѣжненькимъ и милозвучнымъ голосомъ „многая лѣта." Здѣсь должно замѣтити, что изъ тѣхъ 64 ученицъ 10 помѣщенны были въ монастырскомъ воспиталищѣ, за которыхъ образованіе и пропитаніе ежемѣсячно лишь 10 р.ср. платилося. Также и сіе обстоятельство свидѣтельствуетъ намъ ревность къ общему благу и трудолюбіе Преп. монахинь,что дѣвчата Яворовскіи и съокрестности,хотя въ самомъ городѣ еще другая порядочна школа дѣвича существуетъ,почти всѣ до монастырской школы горнулися.Любопытно было послышати, якъ хорошо при тѣхъ испытахъ ученицы и зо всѣхъ четырехъ клясcъ отвѣчали, особенно же подивляно значительный успѣхъ дѣвчатъ съ четвертой клясcы, которыя ловко по русски, польски и нѣмецки говорили, красно и правильно писали, точно числили и даже вопросы съ землеписанія и общей исторіи съ легкостью рѣшали. А что скажемъ о тѣхъ прекрасныхъ выработкахъ дѣвичихъ шелкомъ или баволною, различныхъ вышиваньяхъ на канвѣ паціорками, перелками и пр.? Не могло око наше довольно налюбоватися. По окончаніи испытовъ роздавалъ ВБ. Г. Товарницкій прилѣжно учившимъ и отличившимся ученицамъ книжечки въ нагороду,именно Русинкамъ русскія, а Полькамъ польскія, Нѣмкинямъ нѣмецкія.Итакревнитель сей и одинъ изъ премалого числа Меценатовъ русскихъ не только благу церкви поспѣшествуетъ; ибо за его содѣйствіемъ и старательностію, яко Старѣйшины Института Ставропигійского, вокрацѣ городска Успенская церковь въ Львовѣ внутрь новопріукрашенна въ полной своей лѣпотѣ явится, — но разомъ вниманіе свое обращаетъ и на просвѣщеніе народное. Имя сего праведника будетъ во память вѣчную, и отъ слуха зла не убоится! Молва несетъ еще, что тотже ВБ. мужъ протекторатъ и надъ Словитскимъ дѣвичимъ монастыремъ обняти имѣетъ, а такъ совокупленны монастыри Словитскій и Яворовскій въ обѣихъ епархіяхъ Львовской и Перемышльской, и стоящіи подъ покровительствомъ того поборника и защитника имени русского, процвѣтали и приносили бы благонадежну пользу просвѣщенію народному! Наконецъ должны мы вышенареченныхъ настоятелей и учителей при той школѣ монастырской за ихъ труды общеявно поблагодарити, къ особенной же благодарности одолжаютъ насъ Пр. монахини и учительки, именно П. Г. Онисима Черникъ, П. Г. Анастасія Кулматицка,П. Г. Өеодосія Берникель и П.Г. Янишевска, которыя всѣ,не смотря на свои скудныя вещественныя средства.- ибопослѣ выказа выносятъ чисты ежерочны доходы сего монастыря лишь 317р. 8¾кр. ср.— съ такою ревностію и трудолюбіемъ къ воспleканію и образованію истинныхъ русскихъ матерей жертвуются. Изъ сердца желаемъ, чтобъ съ новымъ школьнымъ годомъ, который 1. Паздерника распочинается, Яворовскій монастырь большаго соучастія изъ стороны нашихъ родимцевъ сподобился. —

Н. К—ій.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

Сими днями прислала Царица Каролина Августа, вдова по в. п. Франциску I. па домъ народный и втору городскую гр. каѳ. церковь во Львовѣ 1000 р. ср. — Всевышній да покрѣпитъ Ея силы иа многая многая лѣта!

Тупомъ Института Ставропигіянского. Редакторъ Николай Савчинскій.